

Петар II Петрович Негош

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

«Луч микрокосма»,
«Самозванный царь Степан Малый»

Петар II Петрович Негош
Новые переводы. «Луч
микроскопа», «Самозванный
царь Степан Малый»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31726463

ISBN 9785449071156

Аннотация

В книгу включены малоизвестные русскому читателю произведения классика сербской литературы Петра II Негоша (1813—1851): теологическая поэма «Луч микроскопа» и историческая драма «Самозванный царь Степан Малый» из эпохи XVIII века в современном переводе Олега Мраморнова, а также сопутствующие материалы. Книга значительно расширяет представления о крупнейшем славянском поэте первой половины XIX века, видном государственном и церковном деятеле Черногории, неизменном союзнике России на Балканах.

Содержание

I	5
I	15
II	31
III	44
IV	57
V	65
VI	84
II	95
Предисловие	95
Действие первое	100
Явление первое	100
Явление второе	106
Явление третье	108
Явление четвертое	110
Явление пятое	115
Конец ознакомительного фрагмента.	117

**Новые переводы
«Луч микрокосма»,
«Самозванный царь
Степан Малый»**

Петар II Петрович Негош

Перевод Олег Мраморнов

© Петар II Петрович Негош, 2018

© Олег Мраморнов, перевод, 2018

ISBN 978-5-4490-7115-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I
Луч микрокосма
Посвящено господину
Симе Милутиновичу¹
(в Цетине, 1 мая 1845 года)

Да, всегда, мой дорогой наставник,
над певцами сербов свет небесный,
глупо воспевать судьбу людскую,
жизнь людей на страшный сон походит!
За врата чудес людей изгнали,
человек себя считает чудом;
выброшен на бурный берег жизни
случая таинственной рукою,
бедняком он стал здесь беспризорным,
потаённым промыслом водимым;

¹ Милутинович Сима Сарайлия (1791— 1847), сербский писатель, историк, участник национально-освободительного движения сербов. Его стихи и патриотическая поэма «Сербиянка», воспевавшая сербское восстание 1804—1813 гг., связаны с фольклором. Автор драм на сюжеты национальной истории и исторических трудов, в том числе «Истории Сербии с начала 1813 до конца 1815 г.» Учитель, воспитатель, наставник и сподвижник Петра II Петровича Негоша.

вспомнится ему былая слава
и блаженство первое приснится —
зыбким будет сон, воспоминанья
оборвутся вдруг на самом главном,
скроются из поля его зренья
в летописи вечности бескрайней;
он идет по сумрачной дороге,
а на сердце горечь остаётся,
путы на себе он рвет напрасно,
мрак его беспмятством окутал.

Здесь, под облаками, среди туманов,
дважды человека зачинали,
во двойной качали колыбели.
То ли послан он Творцом на землю
в знак таинственного наказания,
то ли утешенье здесь находит,
и земля ему блаженство дарит?
Это самая большая тайна,
вечное людей недоуменье,
а ключи от тайны той во гробе.
Непрестанно человек стремится
внутренним своим проникнуть взором
в лоно цветоносное природы;
соками живыми напитавшись
от щедрот красоты её прелестной,
мать природу смело вопрошает:
для чего Творец её украсил —
для детей своих неисчислимых,

или мы в её руках игрушки,
или то и это, всё здесь вместе?

Но кормилица моя земная,
изукрашенная многоцветьем,
окружённая лучами солнца,
из цветов венки себе сплетает,
бисерною их кропит росую
под круженье звёзд светловолосых,
чтоб красавицей наутро выйти
пред очами своего владыки,
а на человечье любопытство
отвечает мне всего лишь смехом.

Раз за разом, и опять, и снова
свод лазурного святого неба,
с бриллиантами его созвездий,
заклинал душой я распалённой,
чтоб открыл мне тайну мирозданья.
Или свод блистающий небесный
мне откроет вечности страницы,
дабы славил я Отца благого,
или прочитаю в книге звёздной
о своем ничтожестве бессильном?
Вопрошал со многим я вниманьем
мудрецов земли о человеке,
о его значенье перед Богом,
противоречивы были их ответы,
подозрительно непостоянны:

все их мысли, собранные вместе,
только так и можно обозначить:
как глухонемого звук невнятный,
как во тьме напрасное блужданье,
как бессильный взор во мраке ночи.

Человек кругом окутан снами,
призраки ему в тех снах приходят,
да и сам он вовсе не уверен,
что не превратился в привиденье.
Он пытается придумать способ,
как от этих снов освободиться,
но напрасно льстит себя надеждой!
Человек навек во снах утоплен,
в подземельном сумрачном их царстве,
в зеркалах ужасных сновидений!

Сметка и проворность человека
делают его весьма умелым
на бессмысленном базаре жизни;
только вот у крыльев его воли
кто-то сухожилия подрезал;
поводырь ослепший его водит,
гибельные страсти им владеют;
злоба, зависть, адское наследье
ниже зверя ставят человека,
ум опять с бессмертными равняет.
В этой жизни, временной и бурной,
к человеку не приходит счастье.

Он к нему стремится всей душою,
но не знает, где оно укрылось;
чем к вершине славы люди ближе,
тем от счастья делаются дальше.
О земля! ты, мать миллионов,
счастья сыновьям не посылаешь;
попытаешься стать владельцем счастья —
словно выпить чашу Геркулеса.

Время жизни человека кратко,
осень следует за знойным летом,
льдистая зима её сменяет;
дни за днями ходят, чередуясь
и страдания человека множа.
Где же ты, людское наше счастье?
Где оно, желанное блаженство?
Кто безумный ветер остановит,
укротит бушующее море,
кто предел желаниям поставит?

Каждый смертный, на земле рождённый,
собственной обителью владеет —
храмом человеческого сердца,
здесь, под сводом жалобы и грусти,
под источенной страстями крышей,
муки сразу всех времён гнездятся.
Родовое горькое наследье
человек оставил человеку,
и счастливейших оно отыщет

в их гармонии, чреватой смертью.
То, что глубоко лежит на сердце,
никому другому не расскажешь;
подаём различные мы знаки,
в жестах разных и в телодвижениях
внутренние чувства проступают.
Но все наши выраженья слабы,
и все наши чувства не покажут
то, о чём нам рассказать хотелось, —
выйдет только лепет несуразный,
бред души, под спудом погребенной.

Всяко посмотри на человека
и суди о нём ты, как захочешь, —
человек для человека тайна.
Человек – тварь, избранная Богом;
если солнце свет свой порождает
и его сияние не ложно,
ежели земля наша не призрак,
то душа бессмертна человека,
в смертном прахе спрятанная искра.
Мы лучи, охваченные тьмою.

Непостижный и Всевышний Боже!
Беспредельный ум Твой – наша искра,
замысел Твой спрятан в человеке;
выбросил Ты к нам, на бурный берег,
из Твоей сокровищницы жемчуг.
День – Твоя пресветлая корона,

ночь – таинственнейшая порфира,
непонятных нам чудес явление.
Дел Твоих постичь мы не умеем,
только восхищаемся Тобою.
Пифагор! Вы вместе с Эпикуром²
злобные тираны душ бессмертных,
тёмная вас покрывает туча
и последователей всех ваших.
Вы людское имя исказили,
звание человека перед Богом,
уравняв с животным бессловесным;
искру Божью вы лишили неба,
а она сюда с небес низверглась —
в мёртвые объятия смрадной смерти.
Сочинениям безумным вашим
лишь одни глупцы поверить могут.
Если б ночь наш шар не посещала,
разве так бы свет сиял небесный?
Без клыков зимы свирепой, лютой
разве б мы тепла узнали благо?
Без тупых и ослеплённых взоров

² У древнегреческих философов **Пифагора** и **Эпикура** Негош осуждал их учения о душе. Пифагора поэт осуждает за его учение о переселении души, согласно которому душа после смерти вселяется в других людей и даже в растения и тела животных (как собственная душа Пифагора, которая взамен бессмертия выбрала память о своих прежних животных воплощениях). Согласно Эпикуру, душа состоит из тонких подвижных атомов и разлита по телу. Переселение души у Пифагора и её материальная природа у Эпикура равно противны Негошу, следовавшему православному учению о бессмертии души человека.

светлые умы разве блистали б?
Только пламенной душе поэта
всемогущества открыта тайна.³

Чудеса святых небес высоких,
всё, что здесь цветёт, искрит, лучится,
все миры, что лишь уму доступны,
лики все и смерти, и бессмертья —
вкупе всё, что только есть на свете,
создано Отцом поэтов общим.
Сколь священно звание поэта!
Голосом его вещает небо,
светлый луч торит ему дорогу,
величает он Творца благого.
Дивные певцы из наших сербов
миру угождать не захотели
и за это много пострадали.
Судьбы наши нам с тобой известны,
думаю, нет на земле подобных.
Я спустился к самым вратам ада,
тартар вышел на меня с проклятьем,
вижу его мерзкое обличье;
на судьбу роптать мне не пристало,
у Творца в руке моя надежда.

³ Негоша не удовлетворяли результаты современных ему научных исследований природы и мироздания. Он считал, что наиболее глубокие тайны природы могут быть постигнуты только интуитивно, в произведениях высокого искусства. Творческое начало делает поэта похожим на Творца мира, и это помогает ему проникнуть в сокровенные глубины мироздания.

На тебя я вот что возлагаю:
пусть воспламенятся, засверкают
пред очами сербов и славянства
и Душан, и Обилич, и Джордже,
и другие сербские герои;
да исторгнешь слово посрамленья
на Вуицу, Вукашина, Вука⁴ —
богомерзких порождений сербства:
опозорили они нас, сербов,
ад им будет малым наказаньем!

⁴ **Душан** – Стефан Душан, он же Душан Сильный – сербский король из династии Неманичей, с 1346 года царь сербов и греков, до смерти в 1355 году. Под его водительством Сербское королевство превратилось в сильнейшую державу региона, включив в свой состав значительную часть Балканского полуострова. **Обилич** – Милош Обилич, сербский средневековый рыцарь. Поразил насмерть турецкого султана Мурата Первого в битве на Косовском поле в 1389 году. **Джордже** – Джордже Петрович, которого турки звали Караджордже – Чёрный Джордже; он боролся против турецкого засилия – сначала гайдуком, потом в добровольческом отряде капитана Радича Петровича. Вождь Первого сербского восстания в 1804 году. Руководил борьбой за освобождение Белграда в 1806 году. После разгрома восстания переехал в Австрию, затем в Россию. Снова вернулся в Сербию в 1817 году, но был убит. В «Песнях западных славян» Александра Пушкина ему посвящена «**Песня о Георгии Чёрном**». Вуица – Вуица Вуличевич, воевода в Первом сербском восстании. По требованию князя Милоша Обреновича организовал убийство своего кума Джордже Петровича в 1817 году. Вукашин – Вукашин Мрнявчевич, влиятельный вельможа, деятель сербского средневековья. Считается повинным в разорении державы короля Душана, в предательстве национальных интересов. Вук – Вук Бранкович, родоначальник сербской династии Бранковичей. Около 1370 года стал владетелем области Косово. Участвовал в битве на Косовом поле в 1389 году, но проявил малодушие и считается виновником поражения.

I

Вовсе нелегко в полет пускаться
на ладье с распятыми крылами
без вожатого и без кормила
в океан бескрайний и воздушный,
где и солнца – только капли света,
и миров едва заметны искры,
где бушуют, свирепеют ветры,
смертного глазам не дав открыться,
гонят его в мрачное жилище,
Богу лишь его известна участь.

Правда, освященная Всевышним,
да святится имя Твое всюду,
до границ непостижимых света,
защити меня щитом могучим
от всех бурь и кораблекрушений.
С алтаря пречистого вот жертва!
Не дают ей прямо к небу выйти —
эта жертва к небесам взывает!
Твоего раба худого видишь,
что плывет к святилищу по морю;

верный Тебе раб готов на муки,
он завет Твой высший исполняет;
спорит в море с яростною бурей,

что бросается в него волнами,
страхом гибели его пугает,
хочет потопить в кипучей бездне.
Поразил, Господь, Ты злую силу,
не принявшую Твои законы,
ужасом наполнившую мрачным
горизонт наш и судьбину нашу!
Ночью страшной, бурной, разъяренной
пред очами вдруг лучи блеснули,
будто ангельский был слышен голос:
«Я в душе твоей, злом помраченной,
образ славы и огня бессмертья,
знаю я, что вас, людей, сгубило.»⁵

⁵ *Знаю я, что вас, людей, сгубило.* Поиск причины грехопадения и его последствий представляет смысловой стержень поэмы. Святоотеческая литература содержит множественные истолкования первородного греха. Вот что, в частности, пишет о первородном грехе соплеменник Негоша, живший в XX веке известный сербский богослов преподобный Иустин (Попович): «Подобно тому, как зависть дьявола к Богу явилась причиной грехопадения на небе, так его зависть к человеку как богообразному Божию созданию явилась мотивом к пагубному падению первых людей <...> Второй причиной, или, лучше сказать, со-причиной грехопадения наших прародителей, была их свободная воля <...> Хотя Ева пала по прельщению сатаны, это произошло не потому, что якобы она должна была пасть, а потому, что [сама] захотела: нарушение Божией заповеди ей предложено, а не навязано <...> Примеру Евы последовал и Адам. Как змей уговаривал Еву вкусить от запрещённого плода, но не вынуждал её, потому что не мог, так Ева поступила и с Адамом. Он мог не принять протянутого Евой плода, но сделал это и преступил Божию заповедь». В своём комментарии на изложенное далее у преп. Иустина учение о последствиях первородного греха современный комментатор А.А.Зайцев замечает, что преподобный не вполне точен в своём изложении православного учения, будучи под влиянием блаженного Августина и русских дореволюционных

Понапрасну страстного поэта
с божеством равняют, величают —
я один лишь мрак ваш проницаю,

систем догматики. Комментатор уточняет, что «наследуется не сам грех как таковой и не личная ответственность (вина) за него. Наследуется следствие личного греха Адама – общечеловеческая повреждённость природы, то есть её смертность, тленность, страдательность, наследуя которую, каждый человек наследует вместе с тем и почти непреодолимую (в силу несовершенства личного произволения) склонность к совершению греха. Как писал преп. Марк Подвижник, «преступление, будучи произвольное, никем не преемствуется поневоле, но происшедшая от сего смерть, будучи понудительною, преемствуется нами и есть отчуждение от Бога» (*преподобный Марк Подвижник*. Слова духовно-нравственные. Сергиев Посад, 1911. С. 105). Такое понимание следствий грехопадения является в святоотеческой литературе, можно сказать, общим местом. «Налицо несомненный консенсус в греческой патристической и византийской традициях относительно отождествления наследия грехопадения как наследования смертности, а не греховности, которая видится лишь производной от смертности» (*Мейендорф Иоанн, протоиерей*. Византийское богословие: исторические тенденции и доктринальные темы. Минск, 2011. С.255) Цитируется по книге *Преподобный Иустин (Попович)*. Собрание творений в четырёх томах. Том 2. Догматика Православной Церкви Москва, 2006. С.228—232. Сделано важное уточнение. Негош придерживается святоотеческой традиции, когда выводит грех из повреждённой смертностью человеческой природы; он много раз делает тленность и смертность общим пагубным наследием человечества, выдвигает это причиной несчастий человеческого рода. Например, так. *Каждый смертный, на земле рожденный, собственной обителью владеет – храмом человеческого сердца, здесь, под сводом жалобы и грусти, под источенной страстями крышей, муки сразу всех времен гнездятся. Родовое горькое наследье человек оставил человеку, и счастливейших оно отыщется их гармонии, чреватой смертью.* Или так:... *если бы Адама не сковали цепи смерти, если б не предались вместе с ним мы в пагубную жертву смертности ужасному наследью!..*

достигаю и до врат небесных».

Расскажи, бессмертное создание,
про твое внезапное паденье
и во времени твое плененье,
во плачевной, горестной юдоли:
нечестивая какая сила
разлучила тебя с вечным Богом
и закон Его в тебе попрала,
отчего гнев вечного Владыки
противу тебя так распалился?
Про твое несчастье мне поведай!

Ужас весь внезапного паденья
ты никак постичь не можешь, смертный!
Тяжкого мучения мы жертвы
из-за пагубного преступления.
Забываем мы свое наследство,
бытия довременного благо,
счастья бессмертного источник,
райские поля и их блаженство,
взгляд Творца, нас к жизни выводящий, —
всё забвеньё злое поглотило.

О бессмертья искра, вырвись к свету
из застенков роковой темницы,
воспари на лёгких крыльях света,
с вечной жизнью пламенной слейся;
с глаз моих ты уברי завесу,

непрозрачный смертоносный полог;
взоров мысленных пусть не коснется
безрассудство мятежа людского —
устреми их ввысь, к полям блаженства,
к освященной храмине творенья.

Там большую колыбель увижу,
зыбку вечности, её начало;
вечность поднимается на крыльях,
улетает вдаль, в простор бескрайний,
и скрывается от наших взоров;
взгляду человека невозможно
в вечность неприступную проникнуть,
где рождаются миры, светила,
где бессмертные роятся духи,
совершается зачатие мира.

Уведи меня в простор небесный,
где возникла ты и зародилась,
увидать блаженные жилища,
следом за архангелом летая
на крылах бессмертия и света
под знаменами небесной славы —
славы светоносной, милосердной;
заключённого в сем смертном теле
ты меня и здесь сопровождаешь —
по трясинам горестной юдоли.
«Я и есть в тебе бессмертья искра⁶, —

⁶ Я и есть в тебе бессмертья искра... Диалог происходит между поэтом и его

говорит мне светлая идея. —
К вечному снесу тебя огнищу,
от которого я прилетела,
только сбрось телесные оковы,
отряхни прах немощного тела,
не стнай под игом тела больше —
то сосуд и слабый, и скудельный,
под косою смерти быстро никнет,
враг питается им человечесий».

«Следуй вслед за мной», — она велела;
повела высоко, в царство света.
Словно капля от росы цветочной
или льда прозрачного осколок,
если солнышко на них чуть глянет,
лучики его в себя вбирают,
так и я от отсветов небесных
сделался теперь на них похожим.
К небу чувство родственное движет,
как магнитом тянет меня к небу.
Слабые и маленькие искры
между солнц зажглись огнями света
и обилием лучей бессмертных
полнят все миры и все пространства.

душой. Поэт уподобляет Бога (мировой разум, логос) огнищу (костру), а душу сравнивает с искрой или частицей этого костра (мирового духа, логоса). Искра не что иное, как бессмертная душа человека (частица), которая проистекает (вылетает) из мирового разума (костра, огнища).

Свет огромный искра порождает,
океан составили те капли,
в них Творец величием сияет,
весь искритя, словно бы от солнца,
люди перед Ним идут богами,
все Создателя благого славят.

Шесть небес подвижных прохожу я⁷,

млечных шесть путей я пролетаю —
шар за шаром сферы составляют;
совершают здесь шары вращения
в установленном Творцом порядке,
по орбитам, что определила
Всемогущего благая мудрость,
тайна их известна только Богу,
управляющему мирозданием,
всеми несчислимыми мирами.
Прохожу я пять небес недвижимых,
за лучистой следуя идеей,
и повсюду вижу только царство
неподвижного великолепия:
расстояния здесь беспредельны,

⁷ *Шесть небес подвижных прохожу я...* Душа или искра проходит шесть подвижных и пять неподвижных небес. Если включить сюда центральную небесную сферу, где находится Божий престол, первых к земле небес будет двенадцать. Цифра «двенадцать» у многих народов, в том числе и на Балканах, обозначает цикл, завершённость: двенадцать месяцев, двенадцать апостолов и т. п.

свет один лишь движется, играет,
всё наполнено его лучами,
словно видишь острова морские,
снегом занесённые зимою, —
их пловец издалека заметит.

Но постой, Божественная искра!
Все круги возможные прошли мы:
луч опасен глазу человека,
взору смертного вредить он может;
бесконечен лишь простор небесный,
у воображенья есть граница.
Дочь небес услышала моление,
изменила свое направленье
по путям великим мироздания;
на холме мы оказались светлом.

Свет залил мои земные очи
так, что чувства я почти лишился,
ниц упал я на холме хрустальном
и закрыл лицо своё руками,
отвести назад не смею руки.
Слышу голос музыки бессмертья
и небес гармонию я чую,
благодатная излилась сладость
на мою взволнованную душу —
словно ток Божественный струится.
Спутник мой берет меня за руку,
ласково и тихо произносит:

«Встань же, общего Творца создание,
быстро ты, однако, наслаждался
Божьими предивными делами;
не содержат светлые творенья
ничего опасного для глаза —
без погляда всякий свет бледнеет».
На холме устроив незнакомом,
ободрял меня посланник неба.

Духа благосклонное вниманье
в умиленье смертного приводит —
в ангельском почувствовал я взоре,
что теперь на мне остановился,
доброту, приязнь, расположение.
«О Предвечного блаженный сыне, —
молвил я ему со умилением, —
почему тебе я интересен,
недостойного, за что меня ты
ангельской заботой окружаешь?»

«Поручение высокой воли
я, хранитель ангел, исполняю,
долга своего я не оставлю —
светлый луч неотделим от солнца;
мы прошли земное поднебесье,
где мятеж безумный ваш случился,
сквозь громовые прошли мы тучи;
это поднебесие опасно —
духи падшие здесь обитают,

невозможно здесь без попеченья.
Никакая здесь душа не может
без Создателя священной воли
выйти из оков смертельных тела,
по небесному летать простору,
первое своё искать жилище,
где витала до грехопаденья.
Знаешь, кто привык сидеть в болоте,
не имеют правильных понятий;
мы на небесах живем духовно,
а материя лишь царство гнили.

Все намеренья твои Бог видит:
ты падения причину ищешь.
Поведу тебя, куда захочешь
(участь ваша мне вполне известна)».
«Ах, Творцом назначенный хранитель,
как Создателю вселенной может
быть моя судьбина интересной,
отчего меня – ничтожный атом —
божество возвышенного чина
водит по пространствам Миродержца?»

«Хочешь ли пройтись по возвышенью
мира, сотворённого упорством,
приободрить немощную душу,
сокрушённую величьем неба».
На духовном небе ангел света
так внимательно ко мне отнесся,

словно мать к испуганному сыну,
бережно утешил и ободрил.
Мы прошли на горку из топаза
и на этом холмике присели.
«Полетим туда, на это небо! —
показал своей рукою светлой,
взглядом, полным благодати нездешней. —
Там престол Подателя всех светов,
в коих и купается творенье».
Что-то говорил мне добрый ангел,
я смотрел в возвышенное небо,
ангела не слышал, восхищенный,
трепетом исполненный и светом,
в сладкое бессилье погрузился.

«Все понятия земли здесь сгинут,
образы изменятся земные,
канут в Божию непостижимость!»
От светила, где мы опустились,
до державного престола Бога
превеликое есть расстояние —
от Земли и до Урана меньше,
небосклон, какой я мог увидеть,
светлыми мирами был наполнен,
озарён вращающимся шаром,

от которого лучи бессмертья
во все стороны лились реками.
И когда Творец могучим словом

землю нашу по ветру развеет,
а все мировые океаны
струями сребристыми прольются
в пропасти необозримой бездны, —
столь же изобильные сиянья
потекут тогда, полны бессмертьем,
в необъятные просторы мира.
Сквозь пространства голубого света
многие кометы пролетали
с быстротою невообразимой
во все стороны – и так, и эдак,
то высоко к небу, то обратно;
пчелами кометы проносились
по увенчанному тишь утру.
Так вот пчелы вьются над соцветьем,
а Творец рукою благодатной
манну им цветочную дарует.

«О хранитель, Всеблагого сыне,
что шаров движенье означает
в пламенеющем том поднебесье:
эти вверх, а те назад стремятся,
тёмные – к святому небосводу,
светлые же книзу полетели?»
Лик божественный передо мною —
вечной молодости воплощенье,
утренней зари отображенье;
взоры ангельские омрачились.

«Те шары, что движутся по небу
и которые теперь ты видишь
словно темные простые пятна —
солнца это, вожаки созвездий,
убежавши из неволи тяжкой,
по священной воле Мировавца,
они ищут, где б остановиться,
чтоб принять в себя лучи бессмертья;
коронованные вечным светом
в вечности они вращаться будут».

Чуть вперед меня он пододвинул,
указал на то, что было слева.

«Видишь ли вон этот шар пустынный,
что окутан плотно черным дымом.

Он один на световом просторе
облачился в черную порфиру;
зла он всяческого воплощенье,
под единой собранного крышей,
он престол для мрака представляет,
ужасом наполненный театр!

Это ад, а Сатана царём там,
тёмный дух и ненавистник неба,
зло ему единая утеха,
он со злом навеки обручился,
злу принес невиданную жертву —
часть шестую воинов небесных
сладкого лишил навек блаженства⁸,

уволок их в царство страховито
на сплошные вечные мученья;
вам ведь тоже от него досталось!»
Когда выплеснет все волны море,
отбушует прошумевшей бурей,
то стихийных сил оно лишится;
изнурённое от напряженья,
море возвращается обратно
в колыбель песчаную и в зыбку.
И ослабшая душа поэта,
занесённая виденьем неба
за воображения границу,
в прежнее уныние впадает;

крыл мечтания она лишилась,
мрачные отверзлись ей провалы,
что пожрать всегда готовы душу,
словно б привиденье ей явилось;
птицей пойманной душа трепещет,
криками напугана о смерти,
разрушительнице мирозданья,
к краю пропасти душа подходит.

блаженства... Православная традиция насчитывает семь архангелов – предводителей небесного воинства, следовательно, сатана должен был бы низвергнуть в погибель седьмую часть ангелов, но, вероятно, Негош разбивает ангельское войско на три части (между архангелами Михаилом, Гавриилом и сатаной). Из трети ангелов, пошедших за сатаной, половина, во главе с Адамом, избегла низвержения во ад. Тогда получается шестая часть окончательно погубленных жителей неба.

Ангел с белоснежными крылами
душу мою спас таким внушеньем.

«От огня Создателя не бегай!
Искра ты, сотворена для неба
и отмечена бессмертным Богом.
Позабудь свою земную зыбку,
всё чревато там неволей, плачем,
глупость там повенчана с тиранством,
люди от трудов изнемогают,
славят Цезаря и Александра,
смертоносные соблазны всюду
и везде тебя подстерегают».

Я стяхнул с себя оцепененье,
ангелу бессмертному сказавши:
«Кто из духов, светом сотворенных,
согласился бы своей охотой
на себе носить оковы смерти;
по своей кто доброй ясной воле
мятежа безумного желал бы,
где вражды полощутся знамена,
пагубные вспыхивают распри,
где гниют и каменеют души?»

Наши судьбы, как отравы чаши;
вечного суда святы законы:
всё творение им покорилось.
Человек поймёт свою неволю,
первую свою вспоманет славу,

молнией к небу устремится,
но мешают ему цепи смертных,
заклоченья срок ему не вышел.
Потому и смертные поэты
с врат небесных упадают в пропасть».

II

Как в ненастный день туманный солнце,
что на лучезарный запад катит,
пламенные стрелы быстро мечет
на кристалл вершины Чамалара,⁹
так мгновенно мой бессмертный ангел
с белыми воздушными крылами
взял меня с собой под эти крылья
и унес наверх, в родные дали,
к свету, к блеску, к Вышнего престолу,
где блаженные ликуют лики.

Погляди вокруг, бессмертья искра:
прежде твою светлость восхищали
океана этого потоки,
а теперь мы у истоков чуда,
царство светлое царит повсюду,
бесконечными течёт волнами,
изливается огнём бессмертным,
вечным пламенем любви священной.
Вмиг здесь исчезают наши силы,
и в потоке света гаснут взоры.
Вместо глаз два солнца возникают,

⁹ **Чамаларом** поэт называет высочайшую из горных вершин в Гималаях Джомолунгму.

ангела окликнуть хочет смертный,
чтобы стал тот ангел провожатым
по владеньям вечного Владыки,
чтоб его пресветлыми глазами
совершенство видеть неземное;
слабая рука моя не в силах
описать небесные угоды,
их великолепие и диво,
ангелов воздушных наслажденья.

Взгляды я короткие бросаю
на простор возвышенной равнины,
вижу дивные красоты, виды,
а язык мой от чудес немеет.
Кто Тебя помыслить в силах, Творче!
Кто могущество Твое представит!
Тартара голодного владелец
в нем и заключен – из рая изгнан,
чтобы духам света можно было
плана Твоего постичь величье;

тартар Сатане навеки отдан,
он его небытием засыпан,
на его могиле смерть ночует;
если бы Адама не сковали
цепи смерти, если б не предались
вместе с ним мы в пагубную жертву
смертности ужасному наследью!..
Прав всегда Ты, Господи и Творче,

и предивны все Твои творенья,
и величие конца не знает!
План небес премудрость изначально
создала искусною рукою,
бесконечные равнины неба
убрала цветущими лугами
в краски нескончаемого мая;
вечности соцветия прозрачны,
все они в особенном порядке
ткань узорчатую составляют,
воздух напоён благоуханьем;
райская картина бесподобна.

По простору далее многоцветных
разрослись сады необозримы,
строго их продуманы порядки,
дивные куртины представляя;
высятся тут яблони и кедры
(все растенья, всевозможных видов —
как их только небо различает!),
вечно зеленеют их вершины,
глазом их увидеть невозможно.
Образцы порядка здесь повсюду.

Возникают горы по равнинам
строгими небесными рядами,
дивные сады их окружают,
а на них воздвигнуты престолы
из топазов или из рубинов —

ангелов первопрестольных троны;
над престолом неким особливым
света круг на воздухе сияет,
словно это колесо Сатурна;
изливает круг лучи, вращаясь.
Посредине тех полей обширных
льются воды из реки бессмертья
струи их прозрачные хрустальны,
берега из чистого рубина,
мысль бессмертия в воде струится.
Мне не сосчитать рубинных арок,
правильными дугами простёртых;
вот ряды пленительных фонтанов,
орошающих равнины неба,
во все стороны летят их брызги.

Вот бесчисленные легионы,
ангелов сладкоголосых лики,
реющих по воздуху блаженно
и поющих радостные песни
на слова любви благоговейной,
пьющих наслаждение бессмертья,
невозможно сладость их представить;
ангелов небесных легионы
аккуратно на полки разбиты
по небесной благодатной сфере,

реют на крылах воздушных, лёгких
в пенопении любви отрадной.

Красоту воителей небесных
смертный взгляд запечатлеть не в силах!
На чудесных ангельских порядках
совершенство Божие блистает —
Божия поэзия чудесна;
по воздушным копьям и стрелам,
по щитам воителей бесплотных
светлые лучи скользят игриво.
Посредине неоглядной дали
круто вверх одна гора уходит,
из рубина сделано подножье,
а сама гора та из алмазов;
горный пик величественно светел,
переливам этого лученья
никакие наши представленья
соответствовать не в состоянии,
промысла возвышенная тайна
и для ангелов непостижима.

На верху горы престол воздвигнут —
то вершина вечного Владыки,
вечности и колыбель, и лоно:
вечность здесь себя запечатлела
светоносного Творца рукою
и отсюда быстро устремилась
на обширные свои владенья,
искра первая отсюда вышла
и в пределы ночи улетела,
нам образчик света показала.

Мировые силы тьмы и мрака,
на громадные куски разбившись,
из пределов тварных убежали
в жалостный приют холодной смерти;
первая заря всего творенья
как источник света засияла;
здесь с бессмертьем истина и правда
обвенчались меж собой на царство;
ум, судьба и воля, сочетавшись,
здесь ключом творения забили.
Прямо над престолом всех престолов
колесо блестящее крутится
так же, как и круг, что обращался
прежде над архангельским престолом,
только в миллионы раз сильнее
Божиего круга излученье;
мириады солнц огнеподобных
словно бы подвешены на круге
на власах невидимых и светлых,
ярким светом всё вокруг залито.

То корона истинного Бога,
к которой Он Себя венчает в небе —
выше вечности, над временами;
под короной этой Он составил
Самому Себе завет на троне:
за предел творенья мрак исторгнуть,
светлое творение расширить —

да святится всюду имя правды,
да от мрака будет мир избавлен,
да пребудет небо светозарным.

Близ вершины той первопрестольной
есть четыре горы из алмазов,
равной высятся они грядю,
а из них четыре бьют фонтана
пламенными струями живыми;
Небодержца сфера необъятна,
на столбах подвешена огромных,
одинаковых по их размерам.
У столбов тех высота поболее
расстоянья от земли до неба;
купол неба, голубую сферу,
по воздушным четырём границам,
подпирают правильные дуги,
утопающие в океане.
Из небытия шары несутся,
из хаоса Бог их вызывает,
к бытию Творец их прибавляет,
крестит их, лучами одаряет,
чтоб летели по небесной сфере
в светлости высокой и воздушной.

«Вот теперь, надеюсь, ты доволен,
и душа твоя приободрилась, —
говорит прекрасный житель неба, —
коли Сам Творец тебе дозволил

посмотреть Его престол пресветлый
и картину райскую увидеть».
«Светозарный проводник, хранитель
на равнине неба неоглядной,
а к какому легиону, чину
ангельскому сам принадлежишь ты?»

«Видишь ли вон эти легионы,
что у трона Божьего теснятся,
на равнине все они разбились,
вплоть до берегов реки бессмертья?
Это плотные полки сомкнулись
вкруг архистратига Михаила,
в его лике все они ликуют,
там моё блаженное жилище,
сладкую там провожу я вечность,
Всемогущий там мне быть назначил.
Видишь, как кружат над всеми ними
шесть тысяч кругов в сиянье светлом,
сорок тысяч арок как возносят
наше превеликое становье
над водами сладкими бессмертья,
так, что жители святого неба
и летать, как молнии, привыкли,
могут шествовать легко, бесшумно,
а другие, если пожелают,
в колесницах огненных промчатся».

Славословье ангельских хористов,

пение насельников воздушных
постепенно в небе утихало;
белоснежные войска повсюду
арки плотно полнили собою
братского собрания единством.
Всяк к своему стану возвращался
на крылах эфирных, лёгких, белых;
их необозримое становье
всю окрестность снегом убелило.

Так, воскрильям облаков подобно,
если смотрим мы на них с вершины,
овеваемой тихонько ветром,
на цветочное спускалось поле
это белокипенное войско,
чтобы его крылья отдохнули;
зрелище становий этих белых
воинов, воюющих за правду,
на полях их радости блаженной
кипы облаков напоминало.
Говорит сладкоголосый ангел:
«Вышло время отдохнуть собратьям,
вы его внизу зовете ночью»...
Прежде чем вести рассказ дальнейший,
вот на чём хочу остановиться...
Вся небесная большая сфера
как шатром хрустальным принакрылась,
белым и каким-то непрозрачным,
ток лучей вокруг остановился,

лёгкий свет сиял высоко в небе.

Тот шатер просторный был чудесным,
был рукой Творца искусно создан,
светоструйным полон был блистаньем
и игрой лучистою просветов,
в нём роились высшие идеи.
Тут легчайшая парила вечность
в нестесненном времени полёте,
на крылах изысканно виляла
то высоко поверху, то книзу,
невидимую завесой скрыта.

С громким уханьем за нею время
устремлялось на воздушных крыльях
в пасть широкую своей воронки —
вечность ухватить оно не в силах.
Неустанное его раденье
и всю страшную его натугу
описать никак мне невозможно.
Нет, не одолеет время вечность —
у небесной матери эонов
тьнь крыла намного легче весит.
И другая Божия идея
помещалась под шатром хрустальным,
то поэзия Творца и Бога,
окружённая венцом творенья;
красота, что существует в мире,
беспредельный ум Творца всех светов,

тот, который сам в себя глядится,
собрались под Божией короной,
поэтически в ней отражались —
совершенством излученья света.

План небес был прямо предо мною,
Божья мера истинного вкуса.
Тысячи святых небесных духов
воспевали светлое творенье.
И другие духи появлялись,
суетились в сумрачном тумане,
тоже что-то создавать пытаюсь,
но при виде подлинных творений
убегали, только их завидев,
так, как сновиденья убегают.

По-над тихую равниной неба
миллионами шары летели
в хороводах или же рядами,
я их видел, словно в телескопе.
Их свеченье, цвет их и сиянье
созданы бессмертия рукою,
эти Божии произведенья —
как победы и улыбки неба.
Все шары, в различных их нарядах,
весело в глаза мои глядели.
«Ах, Отца честного добрый сыне! —
говорит мне ангел мой хранитель. —
Таковые дивные виденья

каждый вечер наблюдать мы можем,
новые бессмертные идеи
нашу сферу часто осеняют;
всякий день святое наше небо
дарит нам различны наслажденья,
новые мелодии, распевы
на украшенные дали льются
новой славой вечного Владыки.

Ангел встал на крылья невесомы,
мы ещё немного пролетели,
у источника остановились.
«Отдохни здесь и испей водицы,
и тебе всю правду он откроет,
этих чистых вод святой источник,
прояснит историю паденья!»
Молвил это и умчался быстро,
как звезда падучая к востоку,
к легионам света возвратился.

Так хранитель мой меня покинул,
в слёзное поверг меня унынье,
словно сына, что отца лишился
и на произвол судьбы оставлен,
предоставлен мятежу земному.
Удрученный думою своею,
из источника воды я выпил,
и открылась тяжкая судьбина,
как предмет, что видишь пред собою

в отраженъе зеркала, в овале.

III

Всемогущий Бог, на троне сидя,
тайною порфиною украшен,
занят творчеством и созиданьем;
для святого Своего престола
Он миры зовет из царства мрака,
вырываются те из стихии,
словно искры при ночном пожаре
из густого дыма вылетают
к своду пламенеющего неба,
их снопы летят роясь, сверкая.

Светлая корона Мiroдавца
увенчала небеса сияньем,
радостью её воспламенившись,
разыгрались звёздные светила,
серебристые бессмертья струи.
А архангелы и воеводы
к Вышнего престола полетели
в колесницах из огня и света
и в сопровожденье легионов
наслаждались музыкой небесной.

Их полёт мы уподобить можем
лебединой стаи перелёту:
птицы белыми крылами машут,

радостно летят над океаном,
а под ними длинными грядами
пенятся внизу валы морские;
так же вот и ангелы летели,
воевод своих сопровождая.
В царский двор заходят воеводы,
слуги их обратно воротились.
«Ах, преблагий милостивый Отче! —
Богу Михаил-архангел молвил. —
Беспреданно ум Твой светло светлый
творчеством, поэзией украшен,
жертва же Тебе – благодаренье
за миры, которые Ты создал
в огненном сиянии лучистом,
за Твое благое попеченье,
за Твою отеческую нежность
чем еще создания заплатят?»

«О возлюбленное творенье,
ты еси средь духов Моих солнце,
лишь тебе Я в небесах подобен, —
отвечает Всемогущий Пастырь. —
Но один Я, Кто творить умеет,
всемогущество Кого венчает;
Мне лишь одному здесь всё покорно —
и в пространствах, и за их пределом;
отступи от Своего Я долга,
царство мрака тут же все поглотит.

Часть Моих миров, число которых
погребенных в мрачные пучины,
в точности лишь только Мне известно,
остаётся в хаосе и мраке.

Занимался Я когда твореньем,
время было выпущено мраком
из его цепей и перекрытий,
мрак пустил его лететь свободно
по обширной вечности державе
и по царству светлого порядка.
Так заносчивое царство мрака
власть иметь повсюду захотело,
отвратительные образины
ворвались в небесные порядки
(этих омерзительных уродов
вы вообразить не в состоянье!);
но они приблизиться не могут
к Моему Божественному трону,
Божий взгляд их вмиг испепеляет,
в ужасе они и разбежались.

Неосмысленные массы мрака
выступать против Меня не смеют,
и в свою мрачнейшую обитель,
в эту страховитую воронку,
вмиг сольются, лишь меня увидят;
там, по правилам отвратной смерти,
жалкую свою имеют участь.

Я вознес венец Свой над престолом —

первым же блистательным ударом
царство их ничтожное рассеял.

Так, рассеяны Моей короной,
скрылись дети мрака в черных тучах,
в мёртвой бездне, в глубине кромешной.
Там они теперь, в ладах со смертью,
составляют жалкие фигуры,
сообразно гнусной их манере.
Чем творений больше воздвигаю,
тем их царство делается меньше;
время Мне пришло всё так устроить,
чтоб и эти бездны осветились.
Пламенные напущу Я бури
на пределы хаоса и ночи,
и Моими станут царства мрака,
прежде сном укутанные хладным.
Там сияющий Мой свет одержит
надо тьмой блестящие победы,
отодвинет прежние границы,
на благое бытие позвавши
из чудовищного лона смерти
многочисленных созданий ночи».

«Для усопших в мировых глубинах,
кого смерти жало умертвило,
кому смерть позакрывала очи
так, что не дано им свет увидеть —
нашего Отца благоволенье,

Ты единственный источник чуда,
как для нас всегда источник счастья, —
Гавриил Отцу своему молвил. —
Чтобы все Тебя благодарили,
пусть и эти мертвенные лики
светом Твоим горним осенятся».

«Ангельских начальник легионов,
меж бессмертными ты отблеск солнца!
Вот когда горящими светами
массы тёмные, все их скопленья
Я наполню огненным сияньем,
растоплю их жаркими лучами,
никаких задворок впредь не станет,
ни в пределах неба, ни за гранью,
всё воспламеню когда лучами,
образ мрака навсегда погибнет, —
первенцы Мои и воеводы!
Лишь тогда всеобщий ваш Создатель
в полной мере Свой завет исполнит;
вот тогда и все владенья смерти
звучат гармониею сладкой
счастья и любви, и всепрощенья;
отчая душа Моя тогда лишь
притечёт к сладчайшему покою,
когда взор бессмертный Мой подарит
счастье всем, без всяких исключений».

«Ах, всеобщий Отче благодушный, —

оба полководца возгласили, —
счастье нам иметь Отца такого,
с таковой великою душою,
всё она добро и совершенство
превышает и в себе содержит;
нужно было бы все царства мрака
схоронить в Твоем всесовершенстве,
чтоб они воскресли к жизни сами,
светлый образ Твой спеша увидеть».

«Воеводы, полководцы света!
Только Я один никем не создан,
а с другими это не бывает,
не позволит то закон природы,
что Мою печать в себе содержит.
Всё случается своим порядком.
На бессмертие кого венчал Я,
тех в веках прошедших миллионы.
Там, где Бог следы Свои оставил,
образуется Его пространство.
О сиятельнейшие творенья
между всех Моих бессмертных духов,
как понять обширное пространство
вам подсказывает разуменье?»
Михаил-архангел тихо молвил:
«Это лишь Тебе вполне известно,
вот как я об этом полагаю:
шар державного престола неба —
наивысший и святейший, значит,

он серёдка общего пространства.

Вкруг него кругов Твоих небесных
я предполагаю миллионы
(тех кругов число я умножаю
в наивысшей степени счисления
из всех тех, что Божие создание
самому себе представить может);
у всех этих хороводов – солнца;
солнца верховодят каждым миром —
всякий мир свое имеет солнце,
все миры имеют свою сферу.

Меж кругов беру я расстоянье,
сообразно Твоей славе, мере,
дальний хоровод объемлет ближний
так, как больший шар включает меньший;
и у круга, что лежит подальше,
боле дальний есть, и так – всё дальше.
И, как раньше Сам Ты нам поведал,
достигаю я границы мрака
(мрак есть то, что недоступно свету);
образом таким пространство мыслю».
«Ум высокий твой, о Мой архангел,
далеко ты в небо простираешь,
своему Творцу честь оказавши, —
Михаилу Бог изрек могучий, —
но не знаешь смысла ты пространства:
область мрака, как и царство света,

кои ум твой светлый представляет
как отдельные две величины,
во единый шар лучами света
претворятся и в нём будут слиты.

Этот шар нанижется на спицу,
самую прямую из тончайших,
проникающую все громады,
спица та лучом тончайшим свяжет
бесконечное пространство это
(край его лишь Я могу представить) —
будет всё пронизано светами,
станет, словно маленькая точка!
Мой лишь ум ничем не ограничен,
у других умов – ограниченья.

Странно мне, – продолжил Всемогуший,
обращаясь к воеводам неба, —
что теперь не вижу вместе с вами
Сатану, вам равного по чину,
вы сюда почасту заходили
как военачальники на небе,
хорошо, что ангельские духи
наслаждаются свободным правом,
рад всегда Я, коли вам приятны
лёгкие священные законы».
«Светлый Зиждитель великой правды, —
Гавриил-архангел отвечает, —
сколь священны все Твои законы

во премудром, строгом их порядке!
как они собою красят небо!
Наслаждаемся мы вечным счастьем!
Сатана же, наш собрат блестящий,
сам остался на своем престоле,
между всех полков своих великих
он любовным пеньем убаюкан».

«Ангелы, великие вы в небе!
Я теперь открою вам такое,
что смутит благие ваши души:
Сатаны заносчивое сердце
облачилось в черные одежды;
этот воевода славу любит,
мир небес поколебать он хочет
и низвергнуть в вечную погибель
самого себя и свое войско.
Праведный Мой гнев – оружие правды!

Гордая душа та повредилась,
корень зла внутри себя зачавши,
подняла страданий злое знамя.
Зла его последствия Я вижу
и погибших жалко Мне созданий,
но отцу тягчайших преступлений
звание одно – неблагодарность:
строгие законы святы правдой,
всем созданьям исполнять их должно,
бич преступнику Я приготовил.

Опоённую отравой душу
мрачные колеблют злые бури;
горделиво мыслит тот безумец,
будто б даже не Моей рукою
из ничтожества на трон посажен,
мрак толкнул его на преступленье —
Божеский престол Мой вниз повергнуть,
чтобы по слепому произволу
новый круг небес ему составить
и бессмертья завладеть венцами.

Раб безумья, враг небес, порядка,
не познавший Моей силы, мощи,
разве след ему Меня стыдиться!
Я могучим Моим Божьим словом
свод великого благого неба
в невесомом произвел эфире,
Аз есмь Тот, Кто океан воздушный
с его сладостными островами
соединил всеобщим притяженьем,
взглядом лишь они друг друга держат.

В правилах всеобщего порядка
заключен завет Мой, жизнь природы,
если кто посмеет разрушать их,
сильная рука Моя немедля
на того с ответным гневом ляжет:
раздроблю его Я на обломки,
заклучу его Я в мертвой бездне,

вместо нынешних громад другие
вызволю из темного Я лона,
чтоб в кругу миров Моих вращались.
Дух лукавый, мрака злом вскормлённый,
чтоб исполнить гибельные планы
все полки свои теперь наладил
и прельстил на зло своё Адама,
младшего из всех вас воеводу,
да и легион его немалый.
Легковерность дерзкая Адама,
шаткость неустойчивой природы
бросили его в злосчастный лагерь,
в тот, что и в кошмаре не приснится.

Замышления Сатанаила
зрит Мое всевидящее око,
бунт зажечь он в небесах задумал,
на равнине безмятежной неба.
Дерзость ему, видно, нашептала,
что он ваше войско одолеет,
силою лишит Меня престола,
разорвёт все цепи мироздания,
под Моим прикованные тронем,
все утопит в мировом хаосе.

Ослеплён злосчастною гордыней,
вечной гибелью он увлекаем,
думает, со Мной он власть разделит,
всемогущество Моё разделит,

и мы вместе миродержцы станем.
Он почёт Адаму обещает —
после нас двоих быть высшим в небе,
от обоих главным командиром
обещает он его поставить
в новом мире, им объединённом.
«Ах, всесильный и преблагий Отче, —
молвили архангелы едино, —
удивительно нам, что те двое
в ледяные столбы не превратились
близ пресветлого престола Божья, —
Твоя воля праведна и свята,
сатанинский дух слепой отвратен!
Кто с тобою, Отче, силы мерит,
ежели по Твоему велению
бездны, мрак и все миры трепещут!

Пресвятой и милостивый Творче,
слабую услышь молитву нашу
ко преблагости души Господней!
Праведный Твой гнев пусть не замедлит
на того несчастного злодея,
на его пособников пролиться —
на порог погибели ступили,
отдалились, как лучи от солнца,
мир душевный у себя отняли;
сами же себя и погубили».

«Напились их души злой отравой,

воспалились завистью слепую, —
воеводам двум Творец ответил, —
так что путь для них навек потерян —
не вкусят они бессмертных счастья.
Кто законы правды попирает,
справедливо будет тот наказан.
Я у Сатаны святое отнял,
скоро праведный Свой гнев обрушу,
зло на место быстро Я поставлю.
До какой же глупости дошёл он:
разорвать вериги Миродержца!
Ничего глупей не мог придумать —
ведь прикована цепь мироздания
к многочисленным столбам алмазным
и висит она в Моих покоях,
невдомёк ему, что цепь вселенной —
Зиждителя творческое Слово,
все миры оно собою полнит,
составляет ангелов блаженство!»

IV

День уж сильно к вечеру клонился
на цветущей небесах равнине,
два венчанных славой полководца
путь свой пролагали меж полками
гибельного супостата неба;
как ладьи на парусах надутых
следуют по узкому каналу
посреди заснеженного поля,
так они сквозь гущу проходили
гордого погибельного войска.

«Сатана, ты равночинный брат наш, —
Михаил ему промолвил мирно, —
признаки погибели я вижу
на тебе и на твоих собратях,
разве справедливо ты решился
испытать гнев правого Владыки,
в вечную решил погибель ввергнуть
самого себя и легионы,
подчинившиеся твоей власти,
ангельскую всю твою дружину?
Как же смеешь во врагах ты числить
твоего Отца и Отца светов?
Он тебя из атома простого
до бессмертного возвысил духа,

дал тебе архангела корону,
чтобы вечную вкушал ты радость
на полях блаженнейшего неба.
Сатана, да выправи ты взгляд свой,
вечного Отца престол увидишь,
в Чьей руке концы все и начала.

Помрачённая душа, опомнись!
покаянные пролей ты слезы
пред Отцом всеобщим милосердным,
всемогущества пойми значенье —
против оногo чего ты стоишь!
Тьму исторгни из ума слепого,
злую зависть из души ты выбрось!
Многомилостив благой Отец наш,
Он тебе простит все заблужденья,
в вечное вернёт тебя блаженство».

«Нет и нет! – воскликнул гласом громким
злой губитель ангелов бессмертных,
так, что стан бунтовщиков всё слышал. —
Михаил, подобен ты мне чином,
духом же ты много меня ниже,
ибо не зажглось твоё сердце
благородной гордостью моею,
Сатана прощения не ищет,
моих требований справедливость
небо видит, все пространства знают!
Горьки для меня блаженства неба,

если своей цели не достигну —
мирозданью дать другой порядок,
смысл всемогущества постигнуть,
коим вы мне так теперь грозитесь.
Почему же властелин ваш гордый
от невинного сна меня поднял
с благородною моей дружиной,
коли нам венец самодержавья
надевать на голову не думал?

Я бы мог навечно там остаться —
в мирном сне, в объятьях сновидений,
со блистательной моей дружиной,
я не сам на свет решился выйти,
не желал я умножать гордыню,
как соперник мой невыносимый.
Сатаны душа не пожелает
славе неприятеля стать большей —
он её со мной не преумножит,
похвалы моей Он не дождетя.

Проницательный взгляд сатанинский
тайну неба до конца разведал,
окончательно я разобрался
в прошлой участи небес высоких —
как заносчивый владетель неба
всемогущество себе присвоил,
завладел всем мировым пространством.
Мне ясна творения причина,

собственной судьбы предназначенье
и моей дружины благородной.
Зря мой неприятель утверждает,
будто б это он и сотворил нас —
и меня, и эти легионы —
наш отец был только тайный случай;
это случай сообща нас создал,
утвердил порядок для творенья
положил владычеству границы,
чтоб с владыкой неба горделивым
власть мы и могущество делили
и единые права имели.

Страшная судьба небес начальных,
страшно мне о ней помыслить даже;
вот когда был предоставлен случай
завладеть захватчику пространством,
всемогущество себе присвоить
самочинно, по собственной воле.
Тех небес падение ужасно,
их начало тьмой густой покрыто,
вековечной тьмой непроходимой,
спрятано за кучами завалов.

В незапамятные времена пространство
заполнялось сплошь шарами света,
тьма нигде свой лик не обнажала.
Все шары размером были равны,
жили заедино с целым небом,

в светозарном плавающей просторе.
Высился престол над каждым шаром,
как теперь стоит престол верховный;
и на каждом царственном престоле
коронованный царил хозяин.
Тех небес преславное величье
рок ужасный сокрушил внезапно:
некая злосчастная судьбина
сотрясла небесные пространства,
бури страшные там пронесли,
над былым воздушным океаном;
участились там землетрясения,
судный час былому свету пробил;
на огромный лакомый пожиток
бездна пасть голодную раскрыла.

Тотчас же, в одно мгновение ока,
божества посыпались с престолов,
все миры куда-то устремились
и обрушились со страшным гулом
к жертвеннику господина мрака.
Зрелища того крошечный ужас
ум представить никакой не может;
как шары к гибели летели,
то наталкивались друг на друга
и обломками ссыпались в бездну.

Все миры великого пространства
в вечную низвергнулись погирель,

шар один лишь невредим остался,
чтоб по воле случая слепого
там престол заносчивый воздвигся —
нынешнего властелина крепость.
Хорошо бы так случилось, если б
в мировую рухнул он гробницу,
чтобы царство первобытной ночи
света луч повсюду погасило!
На просторах тех небес спалённых
воцарились сёстры – ночь с пустыней,
сёстры были слепы и бессильны,
тотчас же по-рабски поклонились
своему сопернику прямому.
Из пространств испепелённых этих
деятельный властелин упорный
царство начал создавать помалу
и рабами всё его заполнил —
были вы всегда ему покорны.

Вот он, случай! – закричал истошно, —
по случайной воле узурпатор
всемогущество себе присвоил,
Сатана узнал про эту тайну!
На обширнейших равнинах неба
я ищу владельца их: поделим
власть, пусть станет всё, как прежде.
Изначальный строй вернём природе,
чтобы всякий здесь, с верховной властью,
на своём престоле был владыкой!

Силу супротивника я знаю
и его упорство, постоянство,
но моим оружием преострым
и моим щитом непобедимым,
мощью всех полков моих преславных,
храбростью моих оруженосцев,
преданностью воинства Адама
думаю намеренье исполнить,
моя жертва будет благородна:
вечное спокойствие, блаженство!»
Погубитель выдал своё слово,
брызжущее завистью поганой,
миллионы глоток отозвались
из полков мятежников отвратных:
всяк к нему с почтением подходит,
выражает преданность и верность.
Полчища колеблются рядами,
будто зрелая пшеница в поле
спелыми колосьями махает,
ждёт, когда её покосят люди.

«Зависти вы ядовитой жертвы,
в вечную идущие погибель!» —
обратился Гавриил к собранью;
но хуленья миллионов криков
на Всевышнего и полководцев
ничего сказать ему не дали.
Гавриил оставил свои речи.

Поднялись два верных воеводы,
полетели на воздушных крыльях
посреди полков своих блаженных.

Сатаны приспешники лихие
с общего идут к нему собрания:
Алззенок, Илзхуд и Алзавалг гордый,
Обенизрем и Йаобаз злобный
вожаку несут его корону,
а в короне этой их погибель —
общей волей гибнущего войска.
Властелин когда со злом венчался,
поздравленья ото всех гремели,
гордо он приветствовал их верность.
Вот Адам, а вот и Ноелопан,
Разец вот, а вот он и Аскела¹⁰
от всего злосчастливого их войска
супостата неба поздравляют;
в верности ему они клянутся,
если только сдержит своё слово,
если будет их самодержавье
над единым, словно река, миром.
Ах, несчастный род славлюбивый,
всем вам вместе этот грех зачтётся!

¹⁰ Имена соратников и воевод сатаны, как и сподвижников мятежного Адама, следует читать с конца, справа налево: князь зла, дух зла, глава зла...; Наполеон, Цезарь, Алекса <ндр Македонский>

V

Тихий и святой покой блаженный
зрелище нежданное являет:
развеваются знамена распри,
богохульные взвились крики,
назревает гибельная сеча;
пьяные от воинского духа,
ратной славой закусить готовы,
легионы вмиг пришли в движение;
ненавистник неба поспешает
наказанье собственное выпить.
Воеводы, верные Святому,
злого не стерпели богохульства
от изменника с душою мрачной;
быстро легионы свои строят,
к битве поспешают неизбежной.
Длинные порядки легионов
выстроились друг напротив друга
по просторам неба необъятным,
словно облачные массы неба
в воздухе готовятся к сраженью.

Видеть можно некое подобье
в горделивых северных чащобах —
их зимой снега оденут в шапку,
а над ними в бесконечном небе

облака напополам разбились
на массивы – оком не охватишь,
и лохматит с двух сторон их ветер;
вид похожий взору представляли
воинства из ангелов небесных,
изготовившихся к страшной сече.

Гулким эхом музыки военной,
боевыми кличами лихими
небеса повсюду огласились.
Меж бессмертными бойцами битва
разгорается и полнит небо;
воеводы ревностные бьются,
доказать свою желают храбрость;
верные Творцу с усердьем служат,
а неверные всю стремятся
завладеть могущественным троном.
Как завистлива слепая злоба,
как напрасны жертвы душ погибших —
с Всемогущим разве же воюют!
Несчастливые вы мореходы,
вас постигло кораблекрушенье
посреди бушующего моря,
если солнце вам еще засветит,
в нем спасение себе ищите,
прежде к солнцу приложите руку,
а потом овладевайте троном.

Льдины полюсов разъединенных,

воздуха громады и массивы,
словно под напором урагана,
разлетелись на куски и глыбы
по простору брани запредельной;
столько стрел никто и не просыпал,
как два войска ангелов небесных,
не было и разрушений стольких,
стольких сломанных щитов и копий,
сколь небесная явила битва.

Светлые два дня, две белых ночи
бой свирепый между равных длится;
воинов бессмертных видны груды,
что ничком повсюду повалились,
раненые мучаются, стонут;
вод бессмертия когда напьются,
вновь встают и продолжают битву.
Тысячи и сотни тысяч бьются
и по воздуху, и по равнинам,
навсегда их битва разделила.
Копья, луки, пламенные стрелы
ангельскою выпачканы кровью;
молнии сверкают над бойцами,
захмелевшими от вида крови
на своих военных колесницах, —
величайшая пред нами битва!
раны тяжкие бойцов свергают
с колесниц горящих прямо наземь;
так, рядами по небу разбившись,

оба войска искупались в крови.

Когда третье утро завиднелось,
на полях забрезжило военных,
то Адам со своим войском вышел
из погибельной кровавой сечи
с покаянием в душе глубоким.
На него жестоко ополчились
Ноелопан, Разец и Аскела,
все передовые командиры:
мол, предательством Адам постыдным
запятнал честь воинов бессмертных.

«Подчиненные мне воеводы!
Славолюбе некое слепое,
пламенем мятежным обернувшись,
вас подвигло – с моего согласия —
на Всевышнего пойти войною,
не держите против меня сердца!
Поздно понял я свою ошибку
и что значит имя «Всемогущий».
Не простят нам наше заблужденье,
гроб отверст, и гибель неизбежна!
Я летел на огненных колесах,
пред рассветом сон увидел легкий:
снилось мне грозное виденье
Бога, что готовится карать нас.
Сила праведного Его гнева
вмиг мою измученную душу

всю стеснила и оледенила —
мне, безумцу, было очень страшно
Всемогущего Творца увидеть
переполненного грозным гневом!

Божие возмездье совершилось,
ещё небо и не завиднелось,
а два воеводы, верных Богу,
Сатану и яростное войско
в пух и прах разбили и погнали —
гнали по небу, вплоть до границы,
сбросили всех в пакостную бездну
и в кипящую смолой стихию:
богомерзкий царь со своим войском
утонул в той пропасти горячей.

Бич руки Господней всемогущей,
как с небес изменника низринул
в пламенем кипящую пучину,
то тогда победоносно войско
под началом ангелов верховных
двинуло на нас с громадной силой,
громкие их крики загремели
с тех небес, где мы все вместе жили,
чтоб и мы, вослед за Сатанюю,
разделили с ним победу злую.
Милосерд Отец наш и Создатель —
у границ погибели конечной
слово Его нас остановило.

Воеводы, преданные небу,
в тяжкие железные оковы
всех до одного нас заковали,
сбросили носить нас эти цепи
на планету мрачную, глухую,
где блаженства память исчезает,
темнота заполонила местность».

Только гибели прямой зачинщик
об ужасной участи поведал,
как на ангельских прекрасных лицах
мертвенная воцарилась бледность,
вмиг ушла божественная живость
из их глаз и черт, из всех движений.
Словно удручённое семейство,
где больной остался без надежды
и поддержки лекаря лишился,
выглядело воинство Адама.

Ярости своей слепая жертва,
с дерзостным отчаянием жестоким
до конца враг с Господом боролся.
На свирепом поприще военном
храбрости выказывал примеры,
вкруг него горами громоздились
груды павших воинов бессмертных.
Трудно было этого безумца
и его свирепых полководцев
одолеть в жестокой рукопашной.

Третий день с ужасным грохотаньем
пробежал небесные равнины;
вечером два верных воеводы
пред престолом у Творца предстали
и Отца премилостиво молят,
чтобы Он оружие войсковое
смертоносным изострил ударом.
Говорят, что Сатаны хуленья
и его бессмысленного войска
их в отчаяние повергают.

Отвечает воинам: «Не стану
вечный Свой святой завет Я рушить:
кого Сам Я повенчал бессмертьем,
под косою смерти тот не ляжет!
Ненавистника, что злобой пышет,
долго же Я ждал для покаянья;
думал, вспомнит он о Моем даре —
светлом счастье вечного блаженства,
долг сыновний, думал, он исполнит,
что насельников увеселяет неба.

Если ангела Я напояю
наслажденьем святостью Моею,
делается ангел тот подобным
великану меж деревьев – кедру,
он летает по небесной сфере,
весь от головы до ног окутан
сладкою духовною усладой;

ежели коснется его зависть,
благодатью Творца пренебрегает,
то утратит вечное блаженство.
Правды нашей всесвятую чашу
злом своим громадным переполнив,
дело враг к погибели склоняет.
Утром дня четвертого обрушусь
на врагов Я гневом наказанья
к страшной их погибели конечной;
завтра нанесу удар смертельный,
в страхе ужас полный испытают —
так им Моя слава отзовётся,
с ней вкусите вы свою победу.

Весь небесный круг миродержавный,
и кружащийся, и неподвижный,
вместе будет праздновать наутро
вашего Творца удар могучий.
Необъятные глухие бездны,
в мёртвом сне застывшие навеки,
утром огласятся эхом славы
их сильнейшего противоборца,
завтра нанесу удар мощнейший,
испытает враг всю Мою силу.

Сатаны огромная неправда
чёрный шар произвела на воздух,
злочестивого царя владенье —
то мучилище зовется адом.

Враг небес на шаре возгордится
адовым своим самодержавьем,
вот такую заслужил награду
он и злобные оруженосцы,
небесами завладеть решившись,
Вышнего Творца лишить престола.
Шар этот пустынный, оголенный,
местность его чёрная печальна,
состоит из ночи и рыданья.
Две стихии местность раздрают,
абсолютно противоположны:
лёд и пламень, бурями раздутый,
страшные гремят удары грома
над пространством проклятого царства,
гул ужасный слышен непрерывно,
злые вихри друг на друга дуют.

Стиксом злочестивый царь владеет,
он венцом девятикружным вьётся,
его волны бурно закипают
враз смолой расплавленной и смрадной,
а кругом свирепствуют морозы:
в половине той короны – огонь,
а полцарства дикий лютый холод.
Тот венец громадный смолянистый
страшное свое вершит круженье,
злобное мучительство являя.

И в Коцитовых волнах плачевных,

в грязных и зловонных его водах
духи падшие мученья примут,
там же рядом Флегетон и Менте
ненасытные раскрыли пасти.
Холод и огонь соединяя,
Лета льёт поток воды забвенья,
изгнанные с неба к ней стремятся,
но свирепы дочери Горгоны —
вод забвенья не дадут напиться.
Царство муки для врагов небесных
низким тяжким принакрылось сводом,
облачной бесформенной громадой;
сплошь по аду океан разлился
смолянисто смрадными водами,
яростью вскипающими лютой,
испускающими бледный огонь,
ужасом наполненный смертельным;
вонь от испарений океана
мрак мешает с бледными огнями.

В недрах мерзостного океана
тысячи дымящихся вулканов
со стенаниями изрыгают
над поверхностью пучины дикой
клубы страшные огня и дыма,
свод туманный их не принимает.
И когда смердящее дыханье
снова возвращается в утробу,
отворяются чумные жерла,

полные удушливого дыма.

Берега кипучей той пучины
частыми усеяны горами,
голыми и жалостного вида;
из них тоже пыхают вулканы,
жадные и жуткие их недра
месивом наполнены вонючим,
беспрестанно исторгают жижу
в гадкую пучину океана
и плюются ей с отвратным звуком
в облака из пламени и пепла.
В тартаре – хулителей владеньях,
ужасы превратная природа
в наивысшей степени явила.
Поселила в этом смрадном месте
всякие страшила безобразны,
что беснуются, добычи ищут
в полном мраке по волнам мерзейшим.
Гидры из породы несусветной
головы задрали над пучиной,
многоглавы их большие стаи;

и бесчисленные там ехидны
из бездонной пакостной утробы
звуки горестные производят;
водятся химеры и драконы,
ужас по окрестностям наводят,
на великие стада разбившись,

следуют закону своих предков;
змеи там величины громадной,
крокодилы, чудища премерзки
Сатану во мраке поджидают;

фурии гнуснейшие летают
с криками, пригодными для пекла,
их уговорить никто не может,
жжёт их злобы зуд и неприязни,
так уж их устроила природа,
их мученье дикое прольется
на слепых мятежников небесных.
Злостью они много превосходят
прочих поселенцев преисподней,
ядовито злобных и хвостатых.
Половину сумрачного царства
адская зима оледенила,
несравнимые ни с чем морозы
воду превратили в твердый камень,
и метели завились кругами,
ежечасно высят горы снега,
так же быстро ветер их разносит,
развеивает вихрем на позёмки;
снежная пурга заносит местность,
крупный град и день и ночь там сыплет.

Воеводы, верные Мне слуги!
хоть свирепы ураганы ада,
и вулканов жерла тяжко стонут,

хоть и рыщут в пекле том страшила,
яростно звенят железом цепи,
волны ходят со звериным ревом,
гул стоит под низким хмурым сводом —
тартар из своей утробы мрачной
общим голосом из злого горла
шлёт на богохульников проклятья!»

Всемогущий речь свою закончил,
объявил Он верным воеводам
наказанье, вечную погибель
и врагу, и всем его солдатам,
а архангелы с благоговеньем
от престола быстро полетели
к верноподданным полкам небесным,
на смерть бьющимся с владыкой адским;
в бой жестокий и они вступили.
День четвёртый занялся на небе,
бой ожесточился напоследок:
возмутились воздуха равнины
войском богохульников зловредных.
Гордая глава владыки мрака
всё считала, что непобедима,
он ещё судьбы не выпил чашу,
полную отравой жестокой,
не видал, что гибель подступает,
звона погребального не слышал.

В миг единый молния блеснула!

Облако тяжёлое наплыло,
белое, из однородной массы,
вроде круглого венка по виду,
только толщины неимоверной —
трононосную объяло гору;
быстро начало оно вращаться
на мелькающих эфирных крыльях
возле трона и горы священной
с поразительным каким-то звуком.

Вечное боренье океанов
с берегов утёсами крутыми,
всё свирепое морское буйство,
все напоры яростные ветров,
нападающих могучей грудью
на леса зелёные густые,
если слить в единый звук мощнейший,
этот звук окажется слабее,
не покажет он всю силу гласа,
что из облака тогда раздался.
Глас из этой тучи прекращает
бой кровавый на великом небе.
Воины и Сатаны, и Бога,
обращают взгляд на Божью гору
(хоть неверные опять хулили
имя Господа и славу неба);
каждое небесное светило
совершать перестаёт кружение,
половину своего сиянья

возвращает пламенной короне.

Облако мгновенно разделилось
на две облачные половины,
из глубин его, сверкая, вышла
светлая, как солнце, колесница,
упряжь у неё из тысяч молний,
пламенные крылья за спиною.
Всемогущий колесницей правит,
гневом Божиим вооружённый,
с устрашающим негодованьем
мечет Свои пламенные взоры!

Пламенную Он стрелу пускает
из алмазного тугого лука
на отпавшего врага Господня
и на всё бунтующее войско;
та стрела крылатая летела,
словно бы горящая колонна.
Звук совместный тетивы и лука,
огненной стрелы летящей посвист
по всесокрушающей их мощи
наши представленья превосходит.
Острием стрела та угодила
в середину сатанинских полчищ,
гневом огненным их раздробила:
тысячи громов тогда раздались
по всему предательскому войску.
Адский царь и все его клеветы

повалились на полях сраженья,
сражены орудьем гнева Бога,
пламенем спалённые ужасным,
чернотой угольной покрылись.

От стрелы Всевышнего могучей
бездны вмиг на атомы распались —
те, что Его имя не познали
(ни луча не знали, ни эфира
в сне холодном и в безмолвье мёртвом),
сотрясла их мощная десница,
мрачная утроба огласилась
Всемогущего великой славой;
смерть в довековой своей гробнице
пробудилась от того удара.

От удара той стрелы Господней
вздрагнуло и вспыхнуло творенье;
бесконечные миры Вселенной,
все несчетные шары и круги
от космического потрясения
со своих орбит вмиг соскочили,
каждый воинами неба полон,
пчёлами слетелись к трону Бога;
с той поры, по всемогущей воле,
носятся кометами по небу.
Всемогущий Победитель грозный
смертоносной выстрелил стрелюю
из звенящего тугого лука

во врага, что злой мятеж затеял;
поразил стрелой полки неверных;
молнией повитая блескучей,
огненная колесница Бога
момента́льно путь свой устремила
к высочайшим за́предельным сферам.
Господь славы к трону воротился!

Вновь над троном светится корона
в целокупной лучезарной славе,
и тотчас небесные светила
с новой живостью пред ней взыграли.
Воеводы Господа с войсками,
воинства миров победоносных
в виде бесконечной белой массы
полетели по блаженной сфере,
чтоб вкусить им от победной славы
и святой любви, и всеблаженства.

День четвёртый грозного явленья
сокрушающей десницы Бога
приближался к своему исходу,
начали звучать святы́е гимны
и мелодии благого неба.
Легионы длинными рядами,
по закону всемогущей воли,
устремились всяк к своим владеньям,
им Господь велел вкушать блаженство
и испить от радостной победы.

Два первоверховных воеводы
вспять полки свои поворотили,
чтобы гнать изменников злосчастных
из пределов ангельских владений
в сумрачное адское жилище
на сплошные вечные мученья.
Победителей сомкнулось войско,
слаженностью страхи наводило
на отроде адского владыки,
скованное ужасом смертельным.

Сатанинские войска вприпрыжку
побежали от полков блаженных
с криками проклятий и хуленья.
И нутро поганое явили
в ад поверженные силы мрака
после праведного приговора:
лица словно уголь, все с хвостами,
а у многих рты пораскрывались,
многие себе свернули шею,
оттого и стали ещё гаже.

Без поблажек, строго, беспощадно
слуги Бога злыдней изгоняют —
так догнали до границы неба
и спихнули с крайнего уступа
в тартара расплавленную бездну.
Сатаны дружки и прихлебалы
лишены небесного блаженства,

сброшены с сияющей равнины
в пропасть пекла в безобразном виде.
Непростительно их преступленье.
Целых три дня угольным потоком
непрестанно вслед за их главою
полчища бесовские ссыпались
с края неба в тартара утробу.
Безобразная была картина —
всех возможных ужасов страшнее!
Попадали изгнанные с неба
в адские дымящиеся жерла,
тартар яростно хрустел зубами,
с радости жертву пожирая.

Как нечистая собралась сила
под тяжелым сводом раскаленным,
потасовки начались и драки
со страшилами из адской бездны,
там такое безобразье было,
началась такая там трясучка,
что свод тартара едва не треснул,
зарычал из мрачной бездны Цербер,
по своим местам он всех расставил,
начал сторожить ворота ада.

VI

Одержав над Сатаной победу,
ангелы устроили собрание
у предвечного Отца в палатах:
воеводы главные там были,
с ними тысячи и сотни тысяч,
серафимы были, херувимы,
Вседоушего благодарили,
что вернул Он тишину на небо,
и за светлую Его победу
над владыкой злобы и несчастья.
Вседоуший общему совету
объявил Адама наказание:
«Шар, – сказал, – один хочу воздвигнуть
близ зловещего чумного ада,
заточение временное примут
там Адам и те, кто воевали;
новый этот шар составлен будет
из хаоса и останков мрака.
Я хочу стихии там умерить,
времени придать непостоянство.

Мир тот грубый назову землю,
будет он водою изобилен,
Я хочу весь этот шар засеять
разною травой, произрастаем.

Будут там животные водиться —
в воздухе, и в водах, и на суше —
всяческих пород разнообразных:
у одних нрав будет кроткий, тихий,
но и кровожадные там будут,
гады будут ползать, пресмыкаться.

Если гордому владыке ада,
злобным всем его легионерам
память о живом блаженном небе
Я для наказания оставляю,
то Адама и его подручных,
этих бунтовавших, Я лишаю
памяти об ангельском жилище,
чтобы даже малая частица
в душах их от неба не осталась,
как бы они в небо ни глядели.
В наказание за свою мятежность
взбунтовавшиеся эти духи
в оболочке матерьяльной тела
человечий век свой скоротают;
во плачевной, горестной юдоли
от оков тяжёлых и раздоров
многие им выпадут страдания;
там громадную свою ошибку
проклянут и много раз оплачут
горькими слезами и рыданьем.

Пусть тела свои они питают

всякою травой и семенами,
воду пьют, едят животных мясо;
заточенье краткое земное
тяжело для душ непостоянных:
с плачем упадут они на землю,
с плачем на земле они жить будут,
с плачем будут отправляться в вечность;
станет другом им мучитель адский,
каждый будет мнить, что он всех выше.

Выведу Я смерть из мрачной тени
и пушу на землю между ними,
в одеянья разные одену,
чтобы трепетом их наполняла
и чинила им опустошенья;
пусть царицей их неволи станет —
без пощады и в отвратном виде,
и насильственно, и произвольно
от ярма тела освобождает,
чтобы в жизнь духовную вернулись.
И надежда их не раз обманет —
как покажется, что цель их близко,
та, на самом деле, будет дальше,
все обманчивые их надежды
будут впредь отравлены сомнением;
верить будут и разуверяться
и испытывать всю жизнь сомненье,
будут от него всегда зависеть,
будет впереди бежать сомненье,

под сомнением будущее будет.

Смертного земного человека
ангельского лика не лишаю,
и в земном плачевном состоянье
в нем пребудет маленькая искра
от любви Божественной, небесной,
чтобы помирить с судьбою тяжкой,
чтобы каждого из них утешить;
хоть заблудший он и согрешивший,
умною останется он тварью —
царь земли, он у неё же в рабстве.

Воля их останется свободной,
как и у других бессмертных духов;
и начертаны такие будут
с двух сторон груди, как на таблице,
противоположных два закона:
на одной – закон великой правды
светлой линией означен будет,
а с изнанки дух соблазнитель
нацарапает свои законы —
в память адской связи с Сатанюю.
Человек способен те законы,
если думает о Божьей правде,
без излишних различать усилий;
но и дух проклятый, сатанинский
о себе не раз напомнит людям.
Та борьба меж правдой и неправдой,

что три дня всё небо сотрясала,
с силою невероятной будет
отпечатана у человека в сердце —
раб он горечи и колебанья.

Первое Адама поколение
на земле немало пострадает
от союза с душегубом адским
(в плоть Адам впервые облачится,
человечий облик явит людям).
Ада ненасытного владелец
слабый род людей не раз подвигнет
следовать их глупостям нелепым:
свет небесный похулят те люди
и поклонятся владыке смерти.

Светлые лучи яркого солнца
землю движущуюся осветят;
люди с маленького шара смогут
на их узком тесном поднебесье
видеть отсвет Божиего мира;
да вот только сатанинский морок
тьмою заслонит земные очи:
Божиих миров Моих сиянье
от их взоров будет тьмой закрыто —
они Божье имя похулили.
На земле слепые эти люди
много сотворят себе кумиров,
низменных божеств и безобразных,

смысла в них не будет никакого;
на погибель для себя поставят
глупые языческие храмы,
поклоняться будут в них животным,
что питаются травой обычной,
будет поверху престолов ползать
нечисть соблазителя и змия!

Низкое людское ослепленье
выросло из сатанинской злобы,
похулившей Вышнего и небо.
Но Мою отеческую душу
участь человечества заботит,
Я хочу возлюбленное Слово,
облачённое в плоть человечесю,
к ним послать для их же избавленья,
и законом Моей Божьей правды
разум осветлить их помраченный.

Я для них Отец и правда света:
и когда Адам со своим ликом
наказание свое отбудут,
через юдоль плачевную протащат
тягостные рабские оковы,
то последователи закона
в первое блаженство возвратятся,
Сатаны приверженцы презлого
в ад отправятся – слепые люди,
в эту тьму рыданий вековечных.

И в конце времен мир этот грубый,
эту сцену ужасов и злобы,
бедствий человеческих скопление,
осквернённую невинной кровью,
орошённую слезой страдальцев,
где невинность вопиет и страждет
и вызывает к Моему престолу,
в судный день, в единое мгновенье
пламенем сожгу Моим священным,
правды Божией огнем могучим».

Воеводы воинства святого
полетели от престола Божья
по ликующим равнинам неба;
првят колесницами победы,
отмечают свой великий праздник —
злого их противника паденье
и рожденье новых легионов,
что для вековечного блаженства
Всемогущий из провалов вывел
вместо сатанинских полководцев.

По могучей воле Миротворца
вскинулись тогда четыре ветра
во глубинах мрачных и холодных,
силою своей невероятной
выгоняли дующие ветры
облака невиданно большие,
состоящие из тьмы и праха,

из теснин, и так на них нажали,
что в какое-то мгновение ока
шар земной на небе появился.
Вмиг из этого земного шара
водные источники забили,
океан составили обширный;
солнца животворное сиянье
всевозможные явления жизни
на земную извело поверхность:
появились рыбы здесь и птицы,
вышли и животные на сушу.
В миг один Творца могучим словом
быстро потекло земное время.

Пересёк Адам границу неба
с жалкими собратьями своими;
стали перед вечности вратами:
вот Адам, в плоть нашу облачённый,
он с подругою в полях эдемских!
Ото сна протёр он свои очи,
глянул на сияющее солнце,
поглядел на спутницу прелестну,
на эдемские красоты глянул,
Божью милость возблагодаривши.

Во смятенье я тогда оплакал
тяжким сном объятую судьбину,
увидал я властелина мрака,
что коварным змием обернулся

и приполз сюда на зло всем людям.
А праmaterь рода человечья
дар отравленный его приемлет!
Орошает горькими слезами,
слезным оmyвает покаяньем,
но напрасно, коль завет нарушен!
С ужасом я вскорости увидел
самых первых человечьих братьев,
первый плод родительской любви,
милую родителей утеху,
повелителей былого мира,
что братоубийственной кровью
осквернили нашу матерь – землю.
Возвело зло клевету на Бога!
Души наших предков поразило!
Отравило зло людские судьбы!

Беззаконной Каина рукою
Божья правда кровью осквернилась,
первым увидало это солнце,
Каин первым стал земным убийцей,
излилось родителей проклятье
на убийцу – первого их сына.
Каина бесчисленные дети
всяким злом заповолонили землю,
грех волнами вздыбился над ними,
как нам погасить ту искру злобы?

Сколько же земля перевидала

идолов чудовищного вида!
О, как на лицо благого Бога
посягала человекья глупость!
Царь тогда обрадовался злобный,
увидав поруганное небо,
увидав, что люди почитают
всяческую изменную мерзость,
что боготворит любую гадость
их безумие и ослепленье.
О невинные дети природы,
отблеск мудрости, ее сиянья!
До рожденья истинного света
вы счастливо поклонялись солнцу!
Вы воистину сыны для неба,
света излученье животворно
вас несёт к Творцу, где свет зачался,
и лучами вас благословляет,
луч уводит в небо вашу жертву,
луч Творца вам душу осветляет.

Видите ли чудные виденья:
солнце правды землю обогрело,
заточенье ваше осветилось,
стали лёгкими вам цепи рабства!
Сын, предвечного Отца достойный,
в человечество Он облачился
и, вооружившись силой правды,
стрелами святого просвещения,
попирая злобу и тиранство,

добродетель освящает в храме.

О Учитель, преблагий и тихий!
Сладка чистая вода святая
с дивного источника бессмертья!
Под пресветлым кротким Твоим взглядом
расточился мрак и скрылся где-то.
Ты пришёл на гибнущую землю —
алтари хулительные пали,
смерть Ты поразил, воскреснув к жизни,
небо славою Твоей святится,
и земля Тебя, Спаситель, славит!

КОНЕЦ

Перевёл с сербского Олег Мраморнов

II

Самозванный царь Степан Малый

Драма

Предисловие

Степан Малый был лжец и бродяга, но взяв себе имя русского царя, составил целую эпоху в Черногории и вокруг неё. Его жизнь ещё никем не описана, только в преданиях сохранилась основная канва, а подробности уничтожило время. Документов у нас почти никаких нет, поскольку для изготовления патронных пыжей из-за нехватки бумаги использовались даже страницы священных книг; посему о пребывании Степана в Черногории не сохранилось ничего, кроме листочка игумена Феодосия Мркоевича, факсимиле которого я привожу.

Вследствие важности тех событий и необычности личности Степана я захотел о нём нечто написать. Но если бы случай не забросил меня в начале 1847 года в Венецию, ничего доподлинного я бы не смог сообщить своему народу.

Оказавшись в Венеции, я приложил все усилия, чтобы попасть в огромный архив бывшей Венецианской республики. Господин Томазео усердно поспособствовал моим занятиям.

Хранителя архива, старого маркиза Солари, я почти растрогал свободной и весёлой поэзией горцев, и добрый старик угождал моим причудам; пять или шесть старательных писарей целых три недели рылись во всех архивных углах и выписали всё, что только касалось странного Степана и других вещей, относящихся к южным славянам.

Точные сведения о Степане я брал из депеш Паскуаля Цигони, чрезвычайного которского провидура, – он посылал их властям в Венецию. А сам провидур добывал эти сведения от своих шпионов из различных мест.

Что же касается Оттоманской Порты и того, какие средства она употребляла против Степана, то это видно по донесениям тогдашнего венецианского посла в Порте г. Юстиниана и вице-консула в Скадаре г. Дуодо. Пересказывать в подробностях, что писали эти трое, слишком долго, однако кое-что надлежит упомянуть, чтобы читатель поверил, что в моём сочинении нет ничего, что не основывалось бы на народном предании и на рапортах вышеназванной троицы.

Что такое народное предание, можно узнать из истории Милутиновича; а что пишет вышеназванная троица, могло быть найдено только в архивах.

Например, только у этих троих можно найти сведения о том, как пострадал из-за Степана печский патриарх; как Симо Цетинянин со своей дружиной изготовлял русские знамёна и посылал их в дар Степану. Там написано, как дубровчане отправили ему различные лакомства, вина и бо-

гатый паланкин (носилки). Там есть попугай Джая и сердар (граф) Бойович, там есть о том, как, подобно Мазепе, пострадал Степан от Арслановичей в Херцеге Новом; там есть монахи, которые приносили в посохе письма из России; там названы по имени все турецкие предводители, которые участвовали в этом деле; там есть патриарх Эспериус со своим намерением; там есть архимандрит барский Дебеля, серб душой и телом; там рассказывается про вторичный поход турецкого войска – стотысячное войско под водительством второго румелийского беглербега-валиса было послано Портой против Черногории в 1774 году. Но гибель Степана всё привела к развязке и утолила турецкую гордыню. Чего только об этом странном человеке не писали, именуя его то царём, то императором, остаётся только удивляться, насколько могут затуманиться людские головы.

Я написал это сочинение ещё в 1847 году, а теперь выпускаю его в свет в Триесте на Спасов день 1850 года.

Сочинитель

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Василий Йованович Бркич, патриарх сербский

Владыка Савва

Феодосий Мркочевич, игумен

Йован Аврамович Белица, протопоп (протоиерей)

Андрия Джюрашкович, поп

Монах

Степан Малый, самозванный Пётр III, русский царь

Князь Георгий Долгоруков, генерал и посланник русской императрицы Екатерины II

Вукале, сердар

Нико Мартинович, воевода

Йово Петрович, сердар

Граф Вуйович, сердар бококоторский

Вуксан Милич, воевода

Драго Вукотич, воевода

Беглербег, сераскир румелийский

Осман-паша, визирь боснийский

Караман-паша Дукаджинский

Шувайлия-паша

Мехмед-паша

Кадий-аскер, верховный военный судья

Мулла Хасан

Имам Хусейн, турецкий священнослужитель

Кадии

Смайю, гонец

Лазо Богданович Негуш

Байо Гаврилович, предводитель цуцкого отряда

Пейо Мадьяр, гонец

Стражник

Воин

Слепой

Попугай

Народ

Коло

Действие первое

Явление первое В Цетине

В апреле 1767 года предводители черногорских племён¹¹, сопровождаемые множеством народа, приводят в Цетине Степана из Мираца. Йово Глуходольянин несёт пред ним русское знамя. Перо Дрпа с прочими играют на свирелях. Бошко Томич и Марко Пьешивац поют во весь голос.

Сердар Вукале

(Перед народом, опершись на меч)

Радуйся, от Немани остаток —
Неманичи и Хребляновичи¹²,

¹¹ Черногория того времени населялась племенами, во главе которых стояли вожди (главари). Хотя у Негоша далее есть упоминание о 20-ти племенах, но Вук Караджич в своём капитальном очерке «Чёрная Гора и Бока Которская» говорит о 24-х собственно черногорских племенах и 7-ми племенах примыкающей к Черногории области Брда. Некоторые из племён: цуци, пиперы, кучи и др. упомянуты у Негоша.

¹² Речь идёт о духовном наследстве и заветах, оставленных сербам основателем средневековой Сербской державы Стефаном Неманем и его потомками, правившими до конца XIV века, а также князем Лазарем Хребляновичем, возглавившем сербское войско в битве с турками на Косовом поле и павшем героической смертью. Святые Симеон (монашеское имя Стефана Немани),

вновь корона ваша засверкает
яркая, как солнце на востоке,
вновь знамёна ваши заполющут
над руинами державы вашей,
полноводные польются реки
из нечистой крови агарянской —
сербы прежний образ восстановят.
Отворитесь, витязей гробницы,
вы надёжно славу защитили
павших сербских косовских героев,
чтоб единым светом озарились
все заветы нашего народа.
Дечаны Высокие и лавра
Студеницы велелепой, пойте,
память вечную им сотворите,
за свободу умершим юнакам.
Подружитесь, гром с землетрясеньем,
дайте Сербии лицо другое,
не затоптанное в грязь ногами.

Феодосий Мркоевич

его сыновья Савва и Стефан, как и святой князь Лазарь – герои сербского национального эпического предания и героических песен. Далее сердар Вукале заводит речь о короне прежде правившей династии, о старой Сербии (Рашке), где располагаются упомянутые им монастыри Высокие Дечаны, Студеница, – базовой исторической средневековой области расселения сербов, завоёванной турками и входящей в нынешнее албанское Косово. Там находятся исключительно ценные памятники византийской архитектуры, включённые ЮНЕСКО в список мирового культурного наследия.

Стой, сердар, ты слишком легковерен.
Прежде рассчитай, а после прыгай,
коль споткнёшься – трудно тебе будет,
ведь не шутка, что здесь происходит.
Потерял народ соображенье,
в злобе турки и венецианцы
и на нас со всех сторон находят;
против их тиранства повсеместно
братья православные восстали.
Так сможешь, что лучше не надо;
чем в позоре жить, уж лучше мука.
Говоришь, что царь, но как поверить, —
вот несчастье, хуже не бывает!

Сердар Вукале

Не бывает?! Если твоё зренье
видит то, что есть на самом деле,
знай доподлинно, отец игумен:
русский царь на Цетине явился!

Феодосий Мркоевич

Царь!.. Беда, пусть Бог тебя накажет,
вечно сыплются на нас напасти!
Разве что подобное бывает?
Как же мог ты распознать наверно
самого царя в том человеке?

Сердар Вукале

Пораскинь мозгами, сделай милость!

Я kota в мешке не покупаю.

С той поры уже поболее года,
как он обретається в Маинах,
вся земля идёт ему навстречу
и с поклонами, и с хлебом-солью;

всевозможные дары подносит.

Котор, тот послал ему знамёна,
где орёл российский нарисован,
а Дубровник – всяческие сласти,
да ещё в придачу с огурцами,
розовый ликёр, критские вина,
чтоб питался, силы набирался;
патриарх из Печи благодатной¹³,
тот ему в подарок преподносит

скакуна красивого, как вила,

Сильного Душана¹⁴ царский кубок,

чтобы ведал истинную меру,

попивая из золотого кубка.

¹³ Василий Йованович Бркич – один из персонажей драмы Негоша, последний патриарх Печской патриархии, располагавшейся в старой Сербии, или Рашке (ныне Косово). Эта патриархия, после завоевания Сербии Турцией, функционировала с перерывами и была окончательно упразднена султаном в 1766 году (включена в состав Константинопольской патриархии), а патриарх Василий позже был вывезен за пределы Балкан и скончался в Петербурге в 1772 году.

¹⁴ Душан Сильный (Великий) – один из последних и наиболее влиятельных царей из династии Неманичей; его держава включала часть Греции.

Сколько есть теперь у нас народа —
от Чёрного до Синего моря,
все его царём желают видеть.
Я к нему ходил в числе последних,
видел всё как есть, на самом деле.

Феодосий Мркоевич

О неслыханных вещах я слышу!
Потому и за царя считаешь?!
Сказка это глупого народа,
я и спьяну в это не поверю!

Сердар Вукале

Не перебивай, дай слово молвить.
В пятницу к нему мы заходили,
а на воскресенье в Маинах
собралась тьма-тьмущая народу,
и его народу показали,
разыскали тех людей с десятков,
что с Василием Владыкой были
в Петербурге и его видали¹⁵.
Поклялись они своей душою,
что он точно истинный царь Пётр.
Но не сразу им народ поверил,

¹⁵ Владыка Василий — один из черногорских митрополитов из династии Петровичей, посещавший, как и почти все черногорские правители, императорский Санкт-Петербург.

в монастырь послали за картиной,
где изображён царь Пётр Третий,
он на лик свой глянул и заплакал,
и другие принялись с ним плакать:
и не различить его с портретом,
как две капли меж собою схожи,
как у яблока две половины;
ты, отец, войди в соображенье,
тени не бросай на нашу радость —
это голос целого народа;
царь он, верь, а впрочем, как желаешь.

Феодосий Мркоевич

Свою голову позор отыщет.
Дали б вы ему другое имя,
что же непохожее связали —
голову большую с телом слабым?
Как бы всем вам с носом не остаться.
А тебе, сердар, смотреть не тошно
на дитятю с головой раздутой,
на телёнка с бычею башкою?
Оглядись вокруг себя получше
и увидишь, чем всё обернётся.

Сердар Вукале

Господи! Вот человек несчастный!
Никогда с ним не договоришься:

у него сплошные закавыки,
оговорки да хитросплетенья,
и врагу такого не придумать.
В голову втемяшилось и мыслит,
будто б мы солёного не ели.
Ежели я слеп, отец игумен,
как же весь народ ослепнуть может?
Отче, я прошу тебя нижайше,
ты, с твоими острыми глазами, —
мы одною связаны верёвкой,
будем одного вождя держаться,
только так, не может быть иначе.

Явление второе

К народу подходит Владыка Савва.

Владыка Савва

Будьте здоровы, братья черногорцы!
Радостно всегда мне вас увидеть,
доблести геройской подивиться,
на сверкающие ружья глянуть;
улыбается над вами небо,
веселится место, где стоите,
радуется любящее сердце —
сердце преданного вам Владыки.

Вы прислушайтесь ко мне и верьте:
я отдам вам всё, чего хотите, —
и овечек у меня три тыщи,
сотню целую волов имею,
только лучше б вы не собирались,
я боюсь позора и проклятья.

Воевода Нико Мартинович

Что такое, дорогой Владыка,
в замешательство ты всех приводишь?
Этот сход совсем не злое дело,
он нам к радости и к вечной славе
рыцарского нашего народа.
Наши горы тем и знамениты,
что убежище дают, свободу.
Ведь нигде спасенья больше нету
во всём свете от коварств тиранских,
только наши горные ущелья.
В наши горы многие бежали
и тиранству задавали жару.
Почему царю не сделать это,
православному царю к тому же —
это я никак не понимаю!

Владыка Савва

Было б то позором, поруганьем
и хулой на рыцарскую доблесть,

чтобы запретить у нас скрываться.
Он беглец, как многие другие,
но испортил своё дело ложью
и народ повсюду взбаламутил,
он не даст ни мира, ни спасенья,
и добром не кончится всё это,
на позор он нам и на мученье!
Царь – то имя знатно, воевода!
Царь без царства – не срамное ль дело?

Явление третье

Выводят перед народом Нико Джурова, Марко Тановича, Вука Маркова и ещё с десятков тех, кто ходили с Владыкой Василием в Петербург и видели Петра Третьего, чтобы выяснить у них, он ли это.

Поп Андрия Джюрашкович

Слушайте же, дорогие братья,
раз уж на Руси вы побывали,
русского царя там повидали,
заклинаем вас землёй и небом,
небом и землёй одновременно,
сказывайте чётко и разумно,
точно ль русский царь у нас явился.

Все

(громко)

Наши души пусть залогом станут,
что сам русский царь у нас явился.
Мы Россию прежде посещали
и, бывало, близко подходили
ко дворцу его, весьма большому,
а он собственной своей персоной
выходил во двор и прохлаждался,
в серебре весь был и в чистом злате
и ружьё в своей руке держал он.
Если это будет не царь Пётр,
то тогда мы отдадим народу
головы свои и все богатства,
наши головы огню предайте,
а именья наши вы пропейте.
Из Маин пред вами его облик,
разве вы его не узнаете,
видели же? или вы ослепли?
это он и есть, на самом деле.

Народ

(хором)

Царь он, царь, мы ясно увидали.
Ну-ка, главари и воеводы,
марш к царю и к нам его ведите —
поприветствовать и поклониться.

Явление четвёртое

Предводители племён идут к Степану и выводят его к народу. Громкие радостные возгласы, палят из ружей, и происходит чудо. Ему сооружается помост посредине поля. Владыка Савва находится от него поодаль, племенные вожди стоят непосредственно рядом, народ столпился во круг.

Степан

(к народу)

Здравия желаю, народ-витязь,
знай, тобой гордится всё славянство,
в твои подвиги оно глядится,
искра ты, очищена веками,
жертва ты и мученик свободы,
подлыми тиранами гонимой.
Весь Восток на Запад ополчился,
страшные устроил перемены,
силы наши истрепало время.
Стали римляне его трофеем,
стала Греция старинной сказкой.
А Осман всё напрягает мышцы,
целый мир желает покорить он.
Он славян Кораном убивает,

братской кровью наполняет реки.
Кто бы мог когда-нибудь подумать,
что народец безоружный, малый
мог восстать против него и выжить
под напором зла и дикой силы
яростных стамбульских кровопивцев
с ядовитым их вероученьем.
Славься же, славянская святыня!

Целует пред собой землю.

Лишь в тебе теперь моё спасенье
и в тебе блистательное счастье;
я хочу исполнить все обеты,
что тебе мой предок величавый¹⁶
дал торжественно за ратный подвиг;
вашей преданности не оставляю
я без подобающей награды.
Славься же, прибежище героев,
стань теперь убежищем надёжным
мне, несчастному царю без трона!

Плачет, и с ним плачет весь народ.

Поп Андрия

Государь, весь наш народ желает,

если твоей милости угодно,
чтоб ты рассказал о злочлоченьях
и за что тебя лишили трона.

Степан

Поженить хотели с католичкой,
чтоб по средам, пятницам скверниться,
не хотел я ни за что на свете
свою веру чистую поганить;
им земного царства было мало —
и небесное забрать хотели.
Отняли когда мою корону,
отрубить мне голову велели.
Убежал я ночью без оглядки,
зная, что прибежища не сыщешь:
тот, кто смел, принять меня не сможет,
кто хотел, тот храбрости лишился.
В самый раз бежать на Чёрну Гору,
сердцу моему она всех ближе;
там принять меня не побоятся.
До Царьграда я дошёл удачно,
встретил доброго христианина
и ему всё о себе поведал.
Он впустить меня не побоялся,
пока шум не начался в Стамбуле,
закричали на всех перекрёстках:
«Русского царя здесь укрывают,
в нашем славном городе великом,

кто его султану предоставит,
тому даст султан богатства столько,
сколько унесёт, сколько поднимет,
а кто скроет иль бежать поможет,
под такой намучается пыткой,
о которой прежде не слышали».
Испугался робкий мой хозяин,
голосом дрожащим произносит:
«Ты хотя бы мышью обернулся,
я тебя здесь всё равно не спрячу,
сыщики разнюхают и словят,
как же ты от них тогда спасешься,
ты не птица, чтоб взлететь на крыльях
и в полёте путь прямой наметить,
попадёшься в их силки, ловушки».
Думал я, пришла моя погибель,
ибо турки злы на московитов.
Когда смерклось, то пришёл хозяин
вызывает меня в свою лавку,
где мешки располагались с хлопком,
раз меня в мешок – с приказом к слугам,
чтоб с утра пятьсот мешков отправить
из Стамбула прямо к венецийцам;
те меня и отыскиали в вате.
Из Стамбула я в мешке приехал,
из мешка в Венеции я вылез;
по морю добрался я до Сплита
всё выпытывал про Чёрну Гору.
По пятам шли сыщики за мною,

вызнавали все мои желанья,
выслали меня в Герцеговину;
там скитался я и так, и эдак,
Арслановичей пока не встретил.
Не спросили, кто я и откуда,
а про ремесло моё спросили.
«Всадник я – вот все мои ремёсла».
«Ладно, немец, завтра мы посмотрим,
если врёшь – заплатишь головою».
И выводят мне коня наутро,
великану горному подобен,
не подкован он и необъезжен —
этот конь Арслановича турка.
Собралось ещё с полсотни турок,
поглядеть хотят, как я погибну.
Сел я на коня, а он, что сокол!
Он понёс меня, как вихрь буйный,
скачет, как Бог на душу положит.
День и ночь скакал на жеребце я,
пал он подо мною, сил лишившись.
Я оттуда шёл по бездорожью,
на четвёртый день явился в Херцег,
а из Херцег-Нового в Маины,
и теперь я, братья, между вами.
С самого высокого на свете
счастья – с гордого престола свергся
и упал я, братья, в бед пучину,
стал скитальцем я и несчастливцем.
Но не вовсе я оставлен счастьем —

к своему народу я пробрался,
о котором с восхищеньем думал,
пока был ещё на царском троне.
Разворачивается судьба по ветру!

Весь народ

Славься же, сияющее солнце,
нам с тобою счастье привалило!
Путь к удаче мы не потеряли,
если пред собой царя мы видим
нашей крови, нашего наречья.
Свои жизни за твою положим,
твоё слово будет нам законом,
свою верность делом мы докажем,
станем мы любить сестру Россию
и любовь к царственной особе,
к правящему дому воспылаем.

Явление пятое

Приходит посол господина Обрезкова, русского посланника в Царьграде и даёт Владыке Савве письмо. Владыка, нахмурившись, читает, изредка усмехается.

Степан

(вспыхнув)

Кто там пишет, господин Владыка?
Принесло письмо какие вести?
Что-то ты ни весел, ни печален.
Турки меня снова испугались,
или это русские клеветают,
чтоб и здесь я не нашёл приюта?

Владык Савва смущён, не знает, что сказать, ему затруднительно обличать Степана.

Владыка Савва

Да... да...

Степан

«Да и да» – мне что-то непонятно,
я хочу, чтоб ясно и открыто
предо мною всё происходило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.